

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

Безымянные
труженики войны

РАЗВЕДКА

41 ГО

НОЧНАЯ ВОЙНА

Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников

Ночная война

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Ночная война / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2020 — (Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

ISBN 978-5-04-113861-5

Осень 1941 года. Части вермахта движутся к Москве. Разрозненные советские подразделения пытаются вырваться из наметившегося под Вязьмой «котла». Среди отступающих – остатки дивизии, в которой служат разведчики под командованием лейтенанта Глеба Шубина. Им поручено выяснить, по какой дороге пойдет преследующая дивизию немецкая механизированная колонна. Разведгруппа уходит в рейд и вскоре обнаруживает скопление вражеских танков. Шубин решает задержать продвижение противника. Для этого бойцам придется на время стать настоящими танкистами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113861-5

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Александрович Тамоников

Ночная война

© Тамоников А.А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава первая

Погода для начала октября была просто загляденье. Деревья еще не растеряли лиственный покров, радовали глаз палитрой осенних красок. Зеленела трава, по небу, старательно огибая солнце, плыли перистые облачка. Полдень не особенно жарил, но температура держалась комфортная, отсутствовало желание развести костер и закутаться в несколько плащ-палаток. Смущала серая хмарь, возникшая на северном небосклоне, но через час-другой она могла рассеяться. Но сегодня красота российской осени не умиротворяла. Командир взвода полковой разведки Глеб Шубин медленно приподнял голову. Душевный покой остался в прошлом. Дискомфорт вносила несмолкающая канонада на юге, а живописный пейзаж портили немецкие каски, скользящие над гребнем косогора.

На вражеский пост нарвались случайно – когда сползли с покатою, изрытой буераками горки. Шубин категорически запретил вставать – слишком открыто все. Кошкин ворчал под нос: «Рождены летать, а постоянно ползаем!» Меры предосторожности оказались не лишними – пост засекли и мгновенно застыли. Ситуация штатная, но пришлось понервничать. Отступить некуда – стоит податься обратно на горку, и за жизнь четырех разведчиков не дашь и ломаного гроша...

Шубин обернулся – такое ощущение, что шейные позвонки хрустнули на всю округу! Разбитной паренек Леха Кошкин пристроился справа, метрах в семи, заполз в канаву, где свернулся вчетверо и озадаченно моргал. Сергей Герасимов и Шлыков залегли значительно дальше. Складки местности позволяли оставаться незамеченными. И буро-зеленые комбинезоны, расшитые лоскутьями под цвет осеннего леса, служили хорошей маскировкой. Вопросы вызывали вещмешки, притороченные к спинам. Но если не всматриваться, то все нормально. До вражеского аванпоста было метров двадцать. Дозорные разместились в канаве, периодически выглядывали. Потом опять прятались и предавались размеренной беседе. Судя по голосам, их было трое. Мурашки поползли – такое чувство, что внимательный глаз из канавы смотрел прямо в душу. Напрягся палец на спусковом крючке ППШ. Но, кажется, пронесло – наблюдатель оторвал взгляд от бугорка, за которым притаился лейтенант Красной Армии, стал разглядывать соседние «достопримечательности». Этот глаз высовывался в третий раз и ничего не замечал. Посыпалась земля – военнотружущий вермахта спустился к товарищам. За канавой, где сидели немцы, до плотного осинника простиралась глинистая пустошь. Дистанция – метров четвереста, то есть далеко. Справа все открыто, редкий кустарник. Слева тоже – хоть парад устраивай, далее – проселочная дорога, едва ли пригодная для перемещения боевой техники. За дорогой – глубокая балка в сторону леса. Ее хорошо видели с горки десять минут назад. До балки тоже даль немереная – метров полтора с гаком. На северо-востоке простиралась низина. В дрожащей дымке колыхалась бревенчатая водонапорная башня, крыши села Кольцово, потускневший от времени куполок церквушки – явный недосмотр сельского партактива. Шубин готов был поклясться – не заглушай канонада все прочие звуки, они бы слышали и гул моторов, и людской гомон. В том, что немцы вошли в Кольцово, сомневаться не приходилось. Аванпост перед глазами – именно оттуда. Свято место пусто не бывает – передовые колонны немецкой бронетехники выдвигались на восток и, если отсутствовал приказ следовать дальше, занимали населенные пункты. Крупной группировки в Кольцово быть не могло – от силы танковая и пехотная роты...

Возникшая ситуация требовала решения. Обратного пути не было, обойти немецкий пост тоже не представлялось возможным. Глеб обернулся. Леха Кошкин – бойкий паренек из уральского промышленного района, обладавший неунывающим характером, продолжал изображать моргающий семафор. Паренек был храбрый, неглупый (невзирая на безнадежно пролетарское происхождение), инициативный – впрочем, последнее не всегда становилось досто-

инством. Зашевелились Герасимов со Шлыковым, первый накручивал глушитель на ствол ТТ, у другого глушитель уже был накручен. Бойцы переглянулись с командиром. Выбора не было. Поднимать шум – опасно. Глушитель – не бог весть, но все же гасит звук выстрела. Шубин оперативно прорабатывал варианты. Вылези из канавы все трое – и никаких проблем. Снять их с малой дистанции – дело техники. Но немцы сидели в своем укрытии, и выманить их было невозможно. Броском через открытый участок – риск отъявленный. Кто-нибудь услышит, среагирует, возможны потери. Но щадящего варианта, кажется, не оставалось...

Что произошло? Внезапно Кошкин стал жестикулировать: дескать, подождите с кавалерийским броском! Шубин напрягся – что опять придумал этот авантюрно настроенный товарищ? Леха сделал загадочное лицо, потянулся за пределы своего укрытия. В руке образовалась сучковатая палка. Разведчик затаил дыхание, подался вбок и вытянул руку с палкой. Движение было быстрое – словно рыбак подсекал снасть. А потом Леха замер, затаил дыхание, стал медленно поднимать палку. Все, кто это видел, затаили дыхание. Леха был в своем репертуаре! Под камнем свернулась гадюка – весьма распространенное явление для средних широт! Тварь ядовитая, опасная. Кошкин ловко подцепил ее в средней части, и теперь она висела, перегнувшись пополам. От соскальзывания предохранял сучок в верхней части палки. Парень вел ветку очень медленно, избегая рывков. Змея еще не включилась в происходящее, плавно извивалась. Экземпляр был неплох – не меньше метра в длину, с большой головой, уплощенной мордой. Желтоватую кожу раскрасил контрастный рисунок. Выделялся светло-серый кончик хвоста – отличительный признак гадюки. И как мозги до такого додумались! Разведчики застыли, словно замороженные. Кошкин отвел за спину руку с извивающейся змеей, приподнялся на колено, прикинул направление и дальность броска. Парень волновался, бусинки пота блестели на лбу. В последний миг гадюка изогнулась, едва не соскользнула с палки. Из распахнутой пасти выстрелил длинный язык. Бросок – выходящая лента с красивым рисунком на коже проделала дугу и приземлилась точно в канаве!

Переоценить последующий эффект было невозможно! Тварь свалилась фашистам на головы! Кто-то завизжал. Двое выпрыгнули из канавы, нарисовавшись в полный рост. Фактор неожиданности – на лицах, перекошенных от страха. Шлыков и Герасимов открыли огонь из пистолетов с глушителями. Извивались простреленные тела. Жилистый обер-гренадер рухнул на краю канавы. Второй свалился обратно в яму. Там кто-то барахтался, хрипел. Был еще и третий, но он остался в канаве, видимо, отбросил от себя гадюку. Это было скверно! Вся работа Кошкина могла пойти насмарку. Поднялись с Лехой одновременно, бросились вперед. В канаве хрипел человек – похоже, третий постовой боролся не только с гадюкой, но и со своим мертвым товарищем. Внезапно из ямы вылетела «колотушка», как «любовно» прозвали в войсках немецкую наступательную гранату М-24! Метателю что-то помешало – зацепил локтем скат канавы – граната сделала кувырок и упала в десяти метрах от разведчиков. Жар ударил в голову. Шубин повалился плашмя, заныли ребра. Ахнул Кошкин, упал ничком, потеряв пилотку. Остальные остались где были, – счастливичики!

Секунды острыми шипами кололи мозг. Шесть, семь, восемь... Давно пора взорваться! Забыл шнурок дернуть? Кинул с неотвинченным колпачком? Взрыва не было. Канавы тоже молчала. Выждав еще немного, Глеб приподнял голову. Граната спокойно лежала, колпачок был отвинчен, на конце рукоятки болтался шнурок с роликом. Секунды жалили череп. Сколько их уже прошло? Не только советская военная промышленность допускает брак... Кошкин изнывал от нетерпения, тяжело дышал, облизывал сухие губы. Он начал привставать, сжимая ППШ.

- Товарищ лейтенант, уже не взорвется... Двадцать секунд прошло...
- Лежать, – процедил Глеб, – кто приказал вставать?

– Товарищ лейтенант, нам же рассказывали об устройстве этой хреновины... Если «коло-тушка» не срабатывает в течение тридцати секунд, то она становится неопасной, потому что жало ударника отводится от капсюля пружиной...

– Я не понял, мы сейчас умничаем, боец? Лежать, кому сказано? А ну, упал!

Кошкин предпочел не нарываться, прилег. В этот момент адское устройство и сработало – вопреки логике и всем техническим характеристикам! Хоть богу молись, что все лежали в этот момент! Осколки разнеслись по округе, взрывная волна ударила в плечо. У непоседы Кошкина от изумления отпала челюсть. С «галерки» прозвучал сдавленный смешок. А вот теперь самое время! Шубин взлетел, как на цирковой сетке, бросился к канаве. С ее обратной стороны выкатился малорослый фельдфебель с проплешиной на макушке. Он пустился прочь, то и дело озираясь. В перекошенном лице не было ни кровинки. Фельдфебель протяжно завыл. Шубин бегло стрелял служивому под ноги. Фонтаны глины вырывались из-под ног, фельдфебель споткнулся, треснулся носом. Таковую песню загубил со своей гранатой! Шубин перемахнул через канаву, где на дне скорчился мертвец, а рядом извивалась гадюка (спасибо вам, гражданка!), набросился на фельдфебеля, ударил ногой по бедру. Это место самое чувствительное в нижних конечностях. Бедняга зашелся хрипом, но все равно пытался встать. Шубин не возражал, схватил его за шиворот и двинул под дых. Противник согнулся, исторг рвоту. Подбежал Кошкин с багровой физиономией, за ним спешили Герасимов и Шлыков. Последний был невелик ростом, катился как колобок.

– Как он, товарищ лейтенант? – выдохнул Леха.

– Живой, но утратил боевые качества... Так, вы, двое, хватайте его за шиворот и гоните через дорогу, в канаву! Больше некуда, а тут скоро хай поднимется...

Работали дружно, без разговоров. В вещмешках – разобранная радиостанция 12-РП, но к грузу приспособились, действовали стремительно. Фельдфебеля пинали под зад, он прыгал, как горный козленок, защищался руками. Глеб орал ему на ухо доходчивым немецким языком, и, в принципе, фельдфебель слушался. Страх гнал его по буеракам, пленный почти не спотыкался. Он даже лидировал с отрывом и первым скатился в балку. На этом бег не закончился, он стрельнул глазами и понесся по пади оврага. В погоню припустили всем гуртом. Споткнулся Шлыков, безнадежно отстал, рассыпая жемчужины русского мата. Фельдфебеля не догнали, сам запнулся. Кошкин оседлал добычу, стал бить в зубы, пришлось оттащить. Несложно понять чувства советского разведчика. Фельдфебель выплюнул зубную крошку, закатил глаза. Его обступили, сели на корточки, стали разглядывать, как диковинную зверюшку. Пленник сглатывал, исторгал из горла нечленораздельные звуки.

– Как-то неправильно он использует дар речи, – подметил Сергей Герасимов, почесав ухо. – Может, добавим, товарищ лейтенант?

– Не трогай. Пусть отдышится и успокоится. Иначе он нам до вечера ничего не скажет.

– Успокоится? – хмыкнул Кошкин. – Ладно, нам не к спеху, можем и подождать.

– Леха, ну ты и ювелир, – подошел, прихрамывая, Шлыков, состроил уважительную мину: – Надо же додуматься со змеей. Это какой же завихрень у тебя в мозгах?

– Не придумал ничего умнее наш Леха, – оскалился Герасимов, – по присущей ему лениности ума, хм... А попал ты змеей действительно четко. Признавайся, Леха, как удалось? Со страха, что ли?

– Так я же футболистом был на заводе, – осклабился Кошкин. – Когда какие соревнования, пенальти надо пробить или штрафной, тренер всегда меня ставил.

– Серьезно? – удивился Шлыков. – Ты руками в футбол играл?

– Ладно, хватит ржать, – поморщился Глеб, – талантливый человек во всем талантлив. Эй, господин фельдфебель, – он перешел на немецкий и потряс пленника, – вы уже отдышались, можете отвечать на вопросы? На вашем месте я бы перестал притворяться немощным,

а отвечал бы четко, ясно и без запинки. Ложь не приветствуется, а только приближает вашу смерть.

– Пообщайтесь с этим доходягой, товарищ лейтенант, – поддержал Герасимов. – Невелика птица, но на безрыбье и этот сойдет. А мы народ темный, языкам не обучены, пока покурим, насладимся тонкими осенними ароматами...

– Никаких «покурим», – резко бросил Глеб. – Кошкин, остаешься здесь, следи за нашим другом, остальные на косогор и смотрим во все глаза. Появятся немцы – немедленно сообщайте.

«Язык» по заведенной традиции умолял не убивать, что-то бормотал о насильственной мобилизации, об отце, который при жизни придерживался социалистических взглядов и до самой гробовой доски был противником восхождения Гитлера на престол. Малые детки, большая мать – все это было предсказуемо и неинтересно. Впрочем, по существу фельдфебель тоже говорил. Его звали Манфред Гюнше, он проходил службу в 20-м армейском корпусе 9-й армии вермахта. Сегодня утром сводное формирование из танковой роты и мотопехотного батальона выдвинулось в район, заняло село Кольцово и встало до дальнейших распоряжений. Основные силы еще не подошли. Но вот-вот придут и ударят по правому флангу пятящейся к Вязьме 303-й дивизии русских. Именно этого опасалось советское командование! Какая жалость, что всего лишь фельдфебель! Но даже незначительные персоны обязаны что-то знать. В районе несколько дорог, пролегающих с запада на восток, качество покрытия вполне пригодно для танков, да и распутица еще не началась. Специалисты в штабе сомневались, что немцы будут использовать ВСЕ проселки – так они распылят силы, а потом будут их долго собирать. Ударят в одном месте, вся мощь должна быть сосредоточена на узком направлении – они всегда так делают: формируют кулак, которым и пробивают стену...

– Я слышал, как офицеры разговаривают между собой... – бубнил Гюнше. – Получен приказ всем танковым подразделениям следовать через село... Старшиново... – Название населенного пункта немец исковеркал, но в целом было понятно. – Это три танковых полка, пехотная бригада... Но я слышал, что в селе Старшиново поврежден мост, это вызвало задержку – саперы занимались восстановлением и укреплением опор, чтобы смогла пройти тяжелая техника... По другим дорогам эту реку не форсировать, она неглубокая, танки могут пройти вброд, но есть омуты, а проводить разведку водной преграды некогда...

Это были очень ценные сведения! Жалко только, их источник имел незначительное звание, не обладал нужной компетенцией и вообще мог врать! Полученные данные нуждались в проверке, хотя теперь Шубин точно знал, с какого населенного пункта следует начать обход.

– Вы уверены, герр Гюнше, что ваши офицеры говорили именно о селе Старшиново? – вежливо и вкрадчиво осведомился Глеб. – Хорошенько подумайте, еще раз вспомните...

– Да, это так, майор Шлезингер и гауптман Андерс упоминали именно это поселение, его используют как промежуточный пункт для движения на восток – с целью обхода фланга отступающей русской дивизии... – В глазах фельдфебеля поблескивал тоскливый матовый огонек.

– Ну, смотри, дружок, – Шубин понизил голос, – если соврал, найду на том свете и еще раз убью.

– Послушайте, вы обещали оставить меня в живых... Я больше ничего не знаю, у меня семья, я придерживаюсь социалистических взглядов... – угасающим голосом забормотал немец.

– Конечно, конечно, – задумчиво кивнул Шубин. – Вся ваша армия – оплот трудовой демократии и сторонники Третьего коммунистического интернационала. Мы об этом прекрасно знаем...

– Товарищ лейтенант, немцы подъехали, – шепотом известил Герасимов.

Новость была досадной, но не сюрприз. Давно уже пора. Взрыв гранаты не могли не слышать в селе. Пленник напрягся, забегали глаза. Шубин ударил в челюсть. Фельдфебель клац-

нул последними зубами и потерял сознание. Лейтенант перебежал, вскарабкался на склон. На востоке имелась еще одна дорога – она терялась за возвышенностью, а на севере проходила через село. С проезжей части съехал двухтонный «Опель-Блиц» – из выхлопной трубы, как из паровозной топки, вырывался черный дым. Машина не успела остановиться, а из нее уже посыпались солдаты в легких шинелях, вооруженные карабинами. Спрыгнул с подножки бело-брысый лейтенант, побежал к канаве, расстегивая кобуру, со злостью уставился на мертвых солдат. Потом он что-то бросил плюгавому унтеру. Тот завертелся, как морфинист в угаре, выкрикивая команды. Часть солдат развернулась в цепь, двинулись на холм.

– Подумаешь, двое мертвых, – фыркнул Кошкин, – такой кипиш, словно мы тут Гитлера прибили...

Унтер продолжал разоряться. Двое солдат спрыгнули в канаву. Донесся испуганный вскрик – очевидно, гадюка никуда не делась. Один из солдат пулей вылетел из канавы. Второй запнулся, когда вылезал, скатился обратно. Смех его товарищей оборвал злобный выкрик лейтенанта. Пятеро выстроились в шеренгу и двинулись на запад, к проселочной дороге, за которой пролежала балка.

– И что застыли, как на партсобрании? – зашипел Шубин. – Любим проблемы, товарищи разведчики? А ну, пошли отсюда! Да головы прячьте...

Бойцы скатились на дно балки. В запасе оставалась минута, а если немцы в качестве разнообразия перейдут на бег, то и того меньше! Пленный Гюнше тоже не дремал. Последней зуботычины оказалось недостаточно, чтобы отправиться в заоблачный мир. Немец пришел в себя, быстро сориентировался. И когда разведчики пришли в движение, он уже уносился прочь. Не уследили! У семи нянек, как всегда... Осталось утешаться, что немец убежал как раз в нужном направлении! Люди, чертыхаясь, припустили за ним. А немец уже разобрался в ситуации. Свои же совсем рядом! Он набрал воздуха в легкие, чтобы закричать, но только закашлялся. Второй вариант, тоже верный – сменил направление и стал взбираться на склон. Оступился, съехал, снова полез. Над ухом лейтенанта просвистел нож – красноармеец Кошкин метнул на бегу. Вот уж действительно талантлив во всем! Лезвие вонзилось фельдфебелю под ребро, он задохнулся, упал на колени. Когда к нему подбежали, немца была крупная дрожь. Красноармейцы пробежали мимо, некогда останавливаться. Впрочем, Кошкин нагнулся, выдернул нож, прыжками припустил за товарищами...

Группа вбежала в лес, когда шеренга солдат добралась до балки, где и обнаружили умирающего сослуживца. Вспыхнула «сорочья ярмарка», загрели выстрелы. Погоня была не за горами. Вряд ли немцы видели разведчиков, могли лишь догадываться, в каком направлении они скрылись. Люди бежали в размеренном темпе, берегли дыхание. Овраг втянулся в осиново-березовый лес, и оставалось лишь молиться, чтобы этот лес не оказался перелеском! Но чаща уплотнялась, овраг сгладили. Проход загородил валежник. Его растоптали за считанные секунды, бросились дальше, пробились через малинник, обросший почерневшими плодами. Шубин дал команду «стой!», приложил палец к губам. Сборную радиостанцию несли в двух мешках, но тяжесть все равно была приличной. Герасимов сбросил свою поклажу, перевел дыхание. Шлыков прижался с вещмешком к дереву, дышал как загнанная лошадь. Немцы не собирались спускать это с рук. Несложно вычислить, куда побежали русские. Доносились отдаленные крики, снова захлопали выстрелы. По сусликам стреляли?

– Немцы на хвосте, товарищ лейтенант, – прокомментировал Герасимов. – Их, в принципе, немного... – И задумчиво уставился в темное пространство леса.

– Нас еще меньше, – отрезал Шубин. – Никаких стычек и тем более геройства. Озаботьтесь выполнением задания, товарищи – от которого, без преувеличения, зависит судьба дивизии.

– Мы озабочены, товарищ лейтенант, – уверил Шлыков, – вы даже не представляете, как мы озабочены...

– Тогда слушай приказ. Приготовиться к бегу. От немцев надо оторваться. И пока мы это не сделаем, привала не будет. Направление – северо-восток. Пошли...

Не менее получаса ушло на покорение нелюдимой чащи. Осинник сгустился, вереницей тянулись овраги. Ноги вязли в корнях и буреломе. Листва устилала землю, маскировала природные ловушки. Так не хватало лиственного покрова, чтобы чувствовать себя в безопасности! Из пятого по счету оврага Шлыков с Герасимовым выбраться уже не могли, ноги заплетались, руки судорожно искали, за что схватиться.

– Меняемся, – приказал Шубин. – Снимайте рацию, мы с Кошкиным понесем. Чего так суксился, Алексей? Это была разминка, а теперь придется поработать...

Двенадцать килограммов за плечами тянули к земле, путались ноги. Компактными средствами связи войска не обеспечивали. Да их и не было в природе – чай, не американская армия! Пехотная коротковолновая радиостанция 12-РП состояла из упаковок приемопередатчика и блока питания. Первая весила 12 килограммов, вторая – на килограмм больше. Умельцы в полку пытались облегчить вес, но многого не добились. Пришлось перешивать вещмешки, делать специальные ляжки, чтобы вес распределялся по телу. Мобильность падала, но зато средство связи всегда находилось под рукой. Питание осуществлялось от сухих батарей и аккумулятора. Штыревая антенна из шести колен позволяла осуществлять телефонную и телеграфную связь.

Силы подходили к концу. Лес вставал стеной, он и не думал кончаться. Глеб опустился на колени, прижался плечом к дереву. Кошкин повалился неподалеку, чуть не раздавив муравейник. Люди застыли, напряженно вслушивались.

– Вроде тихо, товарищ лейтенант, – неуверенно предположил Герасимов. – Немцы не дурные в такую глушь соваться. На это только мы способны...

– А немцы просто окружают лес и будут спокойно ждать, пока мы выйдем, – усмехнулся Кошкин. – В общем, не дадут нам побезобразничать...

– Не окружают, – возразил Глеб. – Немцам не до этого, и не так их много в данном районе. Привал пятнадцать минут. Потом продолжаем безобразничать. Рацию понесут Шлыков и Герасимов.

– Вот это мы одобряем, – обрадовался Кошкин, – пусть тащат, мы же не ишаки...

Голова кружилась, кривые перекрученные ветки дрожали перед глазами. Щерила бездонную пасть гигантская гадюка, разукрашенная ромбическими узорами, поблескивали бусинки глаз...

Разведчики повалились трупами. Но вот кто-то начал шевелиться, нагребая на себя листву.

– Серега, у тебя штаны на заднице разошлись, – слабым голосом сообщил Кошкин. – Прямо по шву, надо же, какая незадача...

Герасимов охнул, стал себя ощупывать – и никак не мог отыскать пресловутую дырку.

– Пошутил я, Серега, – подленько захихикал Кошкин, – шуток не понимаешь? Это я бодрость духа и тела в тебе поддерживаю.

– Да крыл я тебя нехорошими словами, – проворчал Серега, принимая горизонталь на ложе из опавшей листвы. – Ладно, Кошкин, живи, в следующий раз сочтемся...

Погоня отстала. Разведчики наслаждались покоем, не замечая, как от земли исходит холодок. В такие минуты они готовы были лежать даже на ледяных торосах.

– Лепота какая... – простонал Кошкин. – Товарищ лейтенант, а давайте отдохнем не пятнадцать, а двадцать минут? Зато потом так побегим – никакая пуля не остановит.

Шубин не ответил, волной накатывалась дремота, и бороться с ней было труднее, чем с фашистским нашествием.

– В баньку бы сейчас... – монотонно пробубнил Кошкин, – на камешки плеснуть водичку, чтобы пожарче было, веником нахлестаться... А потом самогонки с огурчиком, эх... А еще Наталью Юрьевну из медсанбата пригласить с нами помыться – чего ей там в лазарете без дела сидеть...

Он слишком явственно представил картину – застонал от вожделения. Беспokoйно заворочался Герасимов – словно вирус передался от товарища.

– Леха, ты должен меньше хотеть, – справедливо заметил Шлыков. – Давай уж либо про баню, либо про самогон с огурчиками. А про Наталью Юрьевну вообще забудь, ее батальонный комиссар товарищ Амосов использует по назначению, и никто не слышал, чтобы он предлагал вставать за ним в очередь.

– Петр Анисимович, ну дай помечтать, – взмолился Кошкин, – что ты, как бабай какой-то...

– Товарищ лейтенант, заткните Кошкина, он плохо на нас влияет, – попросил Серега.

– Кошкин, заткнись...

Наступила тишина. Люди и события метались перед глазами. Крупным планом возникло лицо Лиды Разиной – вычеркнуть ее из памяти было невозможно. Полевая почта худо-бедно работала, письма доходили – хотя, возможно, и не все. Он писал, что живой, пусть не волнуется. Что с ним может случиться? Даже думать об этом абсурдно – человек грамотный, есть голова на плечах, да и служба – не тупо ходить в атаку, а проявлять творчество, воображение и фантазию. А если письма где-то задерживаются, то такая почта в армии. Пусть не волнуется и себя бережет! По последним данным, девушка по-прежнему находилась в Вязме, работала в госпитале. Письма становились короче – но не оттого, что ей наскучили переписка и адресат. В скупых строках сквозила безмерная усталость. Поток раненых с каждым днем становился больше, военная медицина уже не справлялась. Привлекались гражданские специалисты, но и это мало помогало. В Вязму направляли только «тяжелых», и все равно госпитали трещали по швам. Люди умирали в коридорах, на лестничных площадках между этажами. Персонал зашивался, времени для отдыха не оставалось. Все это походило на какую-то безумную эпидемию – разве что зараза не передавалась от человека к человеку. Стратегически важный городок на востоке Смоленской области находился под контролем советских войск, и отдавать его фашистам никто не собирался. Но горький опыт уже имелся. За два с половиной месяца войны войска откатились в глубину советской территории, фашистские орды едва успевали занимать города. Прошел без малого месяц после успешной Ельнинской операции. Про эту победу уже забыли, Ельню снова отдали. Наступательная операция группы армий «Центр» под условным названием «Тайфун» была в разгаре. Советское командование допустило грубый просчет. Предполагалось, что противник на московском направлении нанесет удар по центру – вдоль шоссе Смоленск-Вязма. Здесь располагались основные силы – шесть общевойсковых армий, несколько кавалерийских дивизий, четыре укрепрайона, танковые и механизированные бригады. Это была невиданная сила, способная дать отпор любому захватчику. Как немцам удалось перехитрить командование? Вся военная мощь осталась невостребованной, немцы ударили севернее – из района Духовщины и на юге – от Рославля. На этих участках они создали численный перевес – в людях, танках, орудиях, самолетах. Наступление стало полной неожиданностью. Красная Армия откатывалась, немцы проходили в день по тридцать-сорок километров, нанося фланговые удары, окружая части и целые соединения. Три недели назад в 303-й трелковой дивизии полковника Моисеевского, где в 845-м полку проходил службу Шубин, насчитывалось без малого три тысячи человек – примерно треть от штатного состава. Дивизии придали два артиллерийских дивизиона, пару укомплектованных пехотных батальонов. Это была небольшая, но сила. После операции под Ельней дивизия перешла в оборону и полмесяца держала позиции, неся незначительные потери. После «одиссеи» по вражеским тылам в районе выстула выжили, помимо Шубина, трое разведчиков – Шлыков, Глинский и

Герасимов. Через неделю боев от взвода осталась дюжина. Практически ежедневные вылазки во вражеский тыл не могли пройти даром. Пополнение не поступало, а ряды «старой гвардии» катастрофически редели. Погиб Глинский – получил ранение в живот, вцепился в березу, когда его хотели на себе тащить в тыл: все равно помру, и вы помрете, а так хоть фрицев задержу! Спорить с ним было бесполезно – уперся как баран, а время шло на секунды. Противотанковую гранату, которую ему напоследок сунул Шлыков, разведчик использовал с пользой – стоял, подавал знаки подходящим немцам. А когда фрицы, посмеиваясь, окружили его, произвел подрыв, да такой, что разнесло половину леса, а выжившие фашисты бежали, как от чумы. Можно представить, как хреново было Глинскому умирать в одиночку... Несколько дней назад противник прорвал оборону Западного фронта в районе Рославля и двинулся к Москве. Дивизию передали в подчинение 49-й армии и приказали следовать к станции Спас-Деменск – с последующей отправкой на юго-запад. Эшелоны подготовили, выдвижение заняло чуть более суток. Дивизия сосредоточилась в районе Ивановки – Заднего Починка, спешно зарывалась в землю. 845-й полк полковника Рехтина находился на северо-западном фланге. Возвели укрепления, провели рекогносцировку местности. Немцы приближались. Воспользоваться выстроенным рубежом так и не успели. Комдив Моисеевский получил приказ сниматься с позиций и в организованном порядке отходить на северо-восток, к Вязьме. Именно это сейчас и происходило – дивизия пятилась, с трудом сохраняя боевые порядки, заслоны и арьергарды оказывали отчаянное сопротивление. Вчера погибла половина командного состава 845-го полка – немцы сбросили десант, он прорвался к штабу части на окраине какой-то безымянной деревушки. Завязалась потасовка, практически в полном составе погиб взвод охранения. Комсостав отстреливался из окон, но кончились патроны. Взвод полковой разведки в количестве двенадцати человек прибыл на выручку гибнущему штабу весьма своевременно – еще минута, и выручать бы стало некого. Бойцы высадились из побитого пикапа ГАЗ-4, обошли немцев. Парашютисты тоже понесли потери, но боевой дух не растеряли, готовились к броску. В пикапе остались только водитель и рядовой Калиниченко с ручным пулеметом Дегтярева. Машина вырвалась из крайнего переулка, встала боком. Водитель спрыгнул в кювет. Собравшиеся на штурм парашютисты попали под кинжальный пулеметный огонь, бросились спасаться в укрытиях, но с тыла их радушно встретили автоматчики Шубина – и все полегли на пустыре, никто не ушел. Шубин потерял двоих, в том числе красноармейца Калиниченко, принявшего огонь на себя. При атаке на штаб погиб комполка Рехтин – он до последнего отстреливался из служебного ТТ. Погиб заместитель начштаба по разведке капитан Муромцев. Выжил начальник штаба полка майор Лисовский. Когда Шубин вбежал в дом, где располагался штаб, там царил форменный кавардак. Лежали трупы бойцов и командиров, стонали раненые. Кто-то шатался из угла в угол, как сомнамбула. Бледный как смерть майор Лисовский ползал на коленях по полу, поддерживая падающие очки, собирал какие-то бумаги. Рядом валялся ТТ с пустой обоймой. Шубин помог собрать документы – безусловно, важные и необходимые. «Вот так и живем, лейтенант, – виновато улыбнулся начштаба. – Одной рукой бумажки подмахиваем, другой от немцев отбиваемся. Это накладные на горючее и продукты питания. Капитан Вахнин погиб, приходится теперь самому за снабжение отвечать...» За неимением других кандидатур интеллигентный майор Лисовский возглавил полк и, в принципе, справлялся. Положение на фронте становилось критическим, немцы прорвались на севере и на юге. Дивизия отходила по проселочным дорогам. Полуторки вывозили раненых, тянули орудия двух артиллерийских дивизионов – их удалось сохранить для грядущих сражений. О переходе в наступление уже не мечтали. Части и соединения были разобщены, спешили быстрее уйти на восток, чтобы не попасть в окружение. Метались, как заведенные, посыльные из штаба – радиосвязь барахлила, телефонные провода перерезали немцы. Неприятель наступал на пятки, но пока в крупные сражения не ввязывался. Мотоциклисты обстреливали арьергардные подразделения и спешили ретироваться. А потом висели на хвосте, жужжали, как надоедливые мухи. 845-й полк был крайним

на северном фланге, увяз в лесах и болотах. Ломались полуторки, матерились водители, пытались хоть как-то удерживать технику на ходу. Соседние полки тоже находились на марше, с ними поддерживалась связь. Ситуация еще не вышла из-под контроля, сохранялась видимость порядка. Паникеров и дезертиров расстреливали на месте – того требовала суровая действительность. На южном фланге было две попытки прорыва танковыми колоннами. В первом случае немцам помешали болото и отсутствие топографических карт. Во втором – нехватка горючего, что вынудило колонну встать. Потом «коллеги» из 849-го полка удачно подорвали мост на пути следования колонны, и наступление вновь застопорилось, немцы искали объездные пути. На северном фланге дивизии Моисеевского тоже не происходило ничего хорошего. Поступили данные от армейской разведки: возможен прорыв бронетехники на севере – с дальнейшим заходом во фланг, а далее в тыл отступающей дивизии. И понять, чем это кончится, мог бы даже безграмотный возница из хозяйственной роты. К лейтенанту Шубину нагрянул вестовой: срочно вызывал командир полка. Майор Лисовский уже вживался в непривычную роль. Он сидел в побитом шрапнелю «газике», воевал с картой, которая мялась и не хотела расправляться. Майор ругался, используя исключительно цензурные обороты. Мимо по дороге шли усталые пехотинцы, равнодушно косились на своего пока еще живого «исполняющего обязанности».

– Не помню, лейтенант, выражал ли вам признательность за спасение штаба от полного разгрома? – Лисовский задумчиво воззрился на разведчика: – Ведь вы спасли от смерти не только меня...

– Не важно, товарищ майор, – улыбнулся Глеб, – разве это имеет значение?

– Вы правы, никакого. – Майор Лисовский обращался к подчиненным исключительно на «вы» – в чем не было зловещего подтекста, просто издержки воспитания. – Помогите справиться с этой картой, я сейчас ее порву... Вот так, спасибо... Мы находимся вот здесь, за деревней Сивцево. На северо-западе, на месте этой дырки от пули – крупный населенный пункт Ярково. Это районный центр. Мы получили сообщение от армейской разведки: через Ярково прошла крупная танковая группа. Пересчитать не удалось, но это несколько танковых полков, и намерения у них самые серьезные. На восточной окраине Ярково формируется мощный броневой кулак. А теперь смотрите сюда... – Палец заскользил по перегибам карты. – Если немецкие танки выйдут к Неклидово и повернут на юго-восток, вся наша дивизия окажется в котле и шансов выбраться будет ноль.

– Убегать быстрее, товарищ майор? – выдвинул предложение Шубин.

– Ценю ваш юмор, товарищ лейтенант, – крикнул Лисовский. – И, зная ваши заслуги, рискну предположить, что это всего лишь юмор. Постарайтесь в дальнейшем воздержаться от подобных ремарок. В любом случае, быстрее танков мы бегать не умеем. Это только предположение, что немцы пойдут на прорыв, чтобы перекрыть нам дорогу. Но угроза существует, и ситуация вызывает крайнюю обеспокоенность. Других данных от армейской разведки мы не имеем. Связь утрачена – мы не знаем, что у них происходит. Вероятно, уже и нет никакого штаба армии, гм... Это приказ из штаба дивизии – как можно быстрее прояснить обстановку и доложить. Наш полк в этом случае крайний – нам и работать. У полковника Моисеевского есть возможность перекрыть немцам дорогу – дивизия располагает несколькими артдивизионами и батареей зенитных орудий, которые можно выдвинуть на нужный рубеж...

– Что-то мешает это сделать уже сейчас? – не сдержался Глеб.

– Вы невнимательно смотрите на карту, товарищ лейтенант. Мы не знаем, по какой дороге пойдет немецкая колонна. Распылять силы они не станут – потом не соберут. Будут действовать единым кулаком. Незаметно выдвинутся по проселочным дорогам, и... Дальше сами делайте выводы. Авиационная разведка у нас отсутствует. Перекрыть всю полосу шириной в шесть километров наша артиллерия не сможет. Существует несколько параллельных большаков и ни одного шоссе. Но эти грунтовки пригодны для движения танков. Их три – все тянутся от Ярков-

ского района в сторону Неклидово. Мостить засаду у последнего будет поздно – колонна уже выйдет на оперативный простор. Три большака, запоминайте – через Сельцево, Старшиново и Кудеяры. Возьмете рацию, пойдете на север. Опрашивайте местных жителей, берите «языков». Уверен, отдельные части уже вошли в район и стоят в населенных пунктах. Нам нужно знать, какой дорогой пойдет танковая колонна. Надеюсь, она еще не прошла, и мы имеем в запасе немного времени. Вам нужно освоить не меньше пятнадцати километров. Самый короткий путь – через Кудеяры, но дорога разбитая. У Старшиново – неплохая грунтовка, но мы не знаем, в каком состоянии мост через Ибиль. Скорее всего, он подорван, но немецким саперам несложно его восстановить или поставить понтоны. Дорога через Сельцево – наиболее длинная, но мы не знаем, что у немцев на уме, возможно, используют именно ее. Задание срочное, выступайте немедленно. Много людей не берите – только самых надежных. Вам в помощь выделен ГАЗ-64, приписанный к взводу связи, сейчас связисты его подгонят...

– А вот за транспорт огромное спасибо, товарищ майор, – заулыбался Глеб.

– Да бросьте, – отмахнулся Лисовский. – Это необходимость, меньше всего меня волнуют ваши удобства. Нет времени, а крюк предстоит сделать приличный. Связисты уверяют, что бензин в баке есть, но вы на всякий случай проверьте. Карта местности у вас имеется?

– Так точно, товарищ майор.

– Отлично. Действуйте, лейтенант, не тяните резину, в вашем распоряжении от силы шесть часов. Используйте полевые и лесные дороги, их хватает, а осенняя распутица еще не началась. При отсутствии дорог... действуйте без дорог, машина стерпит. Будьте осторожны, на рожон не лезьте – немцы уже в районе. Помните, что от ваших действий зависит судьба дивизии. Да разрази их гром! – культурно выругался комполка. – Где эти связисты с «газиком»?

Командир последних лейтенант Янковский прощался со своей машиной, как с родным дитятей – чуть не плакал, волком смотрел на Шубина. На все уверения, что машина не пострадает, он только фыркал и сокрушенно вздыхал. Видно, чувствовал, что уже не увидит своего быстрого друга. Дальнейшая жизнь показала, что его предчувствия имели все основания. «Газик» прыгал по опушке, объезжая ямы и поваленные деревья, миновал, как по асфальту, поросшую травой балку. За машиной связисты ухаживали, двигатель работал нормально. Большак от Кудеяров до Окольного был пуст, но пришлось загнать машину за горку, чтобы пропустить колонну мотоциклистов. Мотоциклы БМВ грохотали, как щебеночный карьер, борющийся за перевыполнение плана. Разведчики двинулись в западном направлении – благо время позволяло. Танки здесь не проходили – иначе раскромсали бы дорожное покрытие. В маленькой деревне у дороги испуганные сельчане это подтвердили: крупную технику не видели ни вчера, ни сегодня. Утром сквозь деревню проехали мотоциклисты в иноземной форме, особо не шалили, разве что раздавили пару кур и освистали местную «красавицу» Вальку, так не вовремя собравшуюся по воду. С девицей после этого чуть удар не приключился, но захватчиков уже и след простыл. «Может, больше не придут, а, товарищи военные?» – слезно вопрошал морщинистый старик. «Придут, отец, – вздыхал Шубин, – таков уж текущий исторический момент – немцы пока сильнее. Но это ненадолго, товарищ. Красная Армия скоро развернется и покажет им кузькину мать». Врать местному населению становилось нормой. Люди хоть немного успокаивались. Ехать дальше на запад не было смысла. Шубин остановил машину на вершине холма, господствующего над местностью. Лента дороги убегала на запад. Отметилось еще одно мотоциклетное подразделение в трех верстах и колонна грузовиков для перевозки личного состава. Танковая колонна, воспользуйся она этой дорогой, давно бы прошла. Ругаясь, что потеряли время, Шубин съехал с холма и направил машину на север по «козьей» тропе. В трех верстах на северо-востоке было село Кольцово, еще дальше – грунтовка, связывающая Старшиново с Неклидово. Несколько раз подмечались серые шинели вермахта – то на мотоциклах, то на легких бронеавтомобилях. Но всякий раз удавалось улизнуть. «Газик» послушно брал преграды. Машину не обстреливали, это и повлияло на потерю бдительности. По прямой

через поле было ближе, чем огибать опушками. И местность сравнительно ровная. Товарищи ныли: давайте через поле, так быстрее! И Шубин повелся на это нытье – направил машину прямо в облетевшие ромашки. Откуда взялась минометная батарея? Очевидно, перевозилась специально приспособленными грузовиками. «Газик» прыгал по холмикам, посмеивался Кошкин: мол, еще сто метров страха, и мы в лесу, куда так идеально вписывается проселочная дорога! Посыпались мины как из рога изобилия! Стреляли из западного леса. Несколько штук разорвались с недолетом, две или три жажнули справа, перелетев машину. Брызнули в воздух жухлые ромашки. От неожиданности Шубин выпустил руль, машину затрясло, но опомнился – избежал опрокидывания. Вот это попали! Орала четвером – эмоции через край. Герасимов чуть не вывалился – Кошкин схватил его за шиворот, нервно засмеялся:

– Ничего себе поездочка! Товарищ лейтенант, откуда что берется?!

– От верблюда! – орал Глеб. – Пригнитесь, не высовывайтесь!

Толку от этих пригибаний! В машине ни крыши, ни дверей, зато полна горница людей! Грохотало практически везде, даже по курсу. Глеб отправил «газик» вправо. Приблизилась спасительные деревья – но медленно, ползли как черепахи! Ударная волна колотила в борт, осколки пока не долетали. Пороховой дым висел столбом, и все же виднелась проселочная дорога – она казалась такой спасительной...

– Есть, мы в лесу! – торжествующе взвыл Кошкин, когда машина влетела за деревья. Трясучка усилилась – жилистые корни опутали проезжую часть. Народ расслабился. Шубин тоже облегченно вздохнул. Но с чего решили, что в лесу будет безопасно? Мины падают сверху, им без разницы, есть ли вокруг деревья. Очередной взрыв прогремел по курсу. Мина выдрала из земли внушительный куст, швырнула на дорогу вместе с оборванными корнями. Но это было полбеде, время для торможения оставалось. Пронзительный свист переходил в вой, мина падала прямо на машину, он это чувствовал всеми фибрами, всеми кончиками поднявшихся волос на теле! От пещерного страха потемнело в глазах.

– Из машины!!! – взревел Шубин, бросая руль.

Тот самый редкий случай, когда отсутствие дверей спасает жизнь! Он, видимо, успел затормозить. Хотя стоило ли? Разведчики кубарем покатались наружу – каждый через свой проем. Подниматься и бежать было некогда, просто катились – за ближайшие деревья, в канавы. Взрыв был оглушительный, и несколько секунд все плавало перед глазами, не смолкал надрывный звон. Как по команде (хотя почему как?) прекратился обстрел. Шубин пребывал в причудливой позе, зацепившись за корни обеими ногами. Будто голову пытались открутить от туловища. Он пришел в себя, некогда разлеживаться. Ноги держали, оружие оказалось под рукой. Чихали разведчики, нанюхавшись дыма, он тоже чихал. Чутье подвело, хотя и не сильно. Казалось, мина падает прямо в салон. Но она взорвалась в паре метров от внедорожника, раскромсав содержимое капота. «Газик» отбросило, передние сиденья были вывернуты. Растекался бензин из продырявленного бака, что-то тлело, но угроза взрыва, кажется, отсутствовала. Перед глазами проплыло скорбное лицо командира связистов. А еще говорят, что нет пророка в своем отечестве. Разведчики не пострадали, но по мозгам ударило крепко. Поднимался, держась за дерево, и блаженно улыбался Шлыков. Высовывался из-под куста Герасимов. В канаве вздыхал, кряхтел и ворочался оглушенный Кошкин. Серега подполз к канаве, глянул через край, потом облегченно вздохнул и криво усмехнулся.

– Я уже где-то видел это лицо... – донесся слабый голос из канавы. – Сгинь, нечистая... Товарищ лейтенант, вы здесь? – Такое впечатление, что Кошкин уже помирал.

– Тебе станет легче, если узнаешь, что да? – строго спросил Глеб.

– Думаю, станет. У меня шарики за ролики закатились, товарищ лейтенант. Башка чугунная, не помню ничего... Где мы?

– В Англии, Леха, – серьезно отозвался Серега.

– Да ладно... А это где?

– Там, где нулевой меридиан, – объяснил Глеб.

– Так бы сразу и сказали... – Кошкин, пошатываясь, вылез из канавы, потряс головой. Сбившиеся глаза побежали по кругу. По голове он получил основательно. С изумлением уставился на остатки внедорожника. Потеря была ужасная. Предстояло побегать, чтобы хоть как-то справиться с заданием.

– Ну, все, – заторопил Шубин, – прекращаем изображать из себя жертв. Не настолько нам крепко досталось. Легкая пробежка приведет всех присутствующих в форму. Мы теперь безлошадные, и это накладывает еще большую ответственность... Петр Анисимович, чего скалишься как блаженный? Плакать надо, боец!

Бодрая пробежка пошла на пользу. Потом был краткий привал, взбирались на холм, чтобы с высоты обозреть окрестности и село Кольцово на северо-востоке. А когда спускались, своевременно выявили вражеский аванпост в канаве. Гадюка, свернувшаяся на солнышке, еще не знала, что ей придется совершить увлекательный перелет...

Глава вторая

Дыхание вернулось в норму, и с дремотой справились. Над головой покачивались искривленные сосны. Усилился ветер. До окончания привала осталось несколько минут. Шлыков – приземистый малый не первой молодости – раскуривал самокрутку. На него нетерпеливо поглядывал Кошкин, надеясь, что старший товарищ оставит покурить. Но Шлыков не спешил расстаться с сигаркой – затягивался, с блаженной миной выпускал дым. Серега Герасимов довольствовался отечественными папиросами, но и их пришлось набивать – он щепотью собирал табак со дна пачки, наполнял пустую папиросную гильзу.

– Холодает, товарищ лейтенант, – покосился он на командира. – Но так и положено, лето не вечное, оно и так нам столько подарков раздало... Знаете, я тут подумал, ведь скоро зима, верно? А зимы в России злые, фрицы даже не знают, что это такое. У них в Европе значительно теплее – Гольфстрим, все дела... Не выдержат, околеют, кранты им придут уже в декабре. Вспомните Наполеона – как он замерзал со своим войском...

– Кранты, говоришь, немцам придут? – ухмыльнулся в жесткие усы Шлыков. – А нам не придут?

– Так мы привычные...

– Не мерзнем, что ли? – удивился Кошкин. – Сомнительное заявление, Серега. У нас на Урале люди пачками обмораживаются, хотя все местные, здоровые, крепкие...

– Серега отчасти прав, – сказал Шубин. – Немцы в этом плане изнеженные, что такое минус тридцать представляют смутно. Гитлер не планировал, что придется воевать зимой, полушубков с валенками солдатам не нашёл. Будут перестраивать промышленность, налаживать выпуск одежды и обуви. Но это произойдет не сразу, немцы успеют основательно подмерзнуть. Но мы же не будем на это рассчитывать?

– Не будем, товарищ лейтенант, – Шлыков курнул в последний раз и отдал самокрутку Кошкину. Тот жадно затянулся, стал кашлять.

– Через минуту выступаем, – сообщил Глеб, – Кошкин, не давайся, это же не мясо...

Маленькая группа бежала в размеренном темпе, Шубин нетерпеливо поглядывал на часы. Время поджимало, потеряли четыре часа. А если фельдфебель Гюнше что-то наврал? Тогда придется брать «дополнительное» время, а после смерти действительно искать этого пройдоху на том свете, чтобы еще раз прикончить! Округа гудела и сотрясалась – боевой техникой был напичкан весь район! Гюнше не соврал. Группа забралась в самую клоаку, а когда опомнились, пути назад уже не было, повсюду находились немцы! Разведчики лежали в бурьяне ни живы ни мертвы, от грохота закладывало уши, казалось, что колонна идет прямо по ним. За спиной по убогой грунтовке рычали самоходные артиллерийские орудия. Дорога тянулась параллельно большаку, но даже на ней все было забито. Пока спасала маскировочная раскраска. И сорная трава вставала по пояс, служила экраном. Нервы в порядке – эти люди повидали многое. За самоходками прошли два грузовика, в кузове смеялись пехотинцы – на такой войне легче, чем на учениях, даже неинтересно! Грохот затих, колонна растворилась за перелеском. Впору опять молиться, что эти «слабовидящие» не разглядели посторонних у себя под носом. Шубин поднял голову. За перелеском еще висело облако гари. Старшиново находилось слева – за плотной лесополосой. Там шла техника, но стена растительности гасила звуки. Видимо, мост через Ибиров уже починили, и вся армада тронулась в путь. Насколько продвинулись немцы? Сведений об этом не было. Какие войска и в каком количестве участвуют в обходном маневре? Возможно, это не имело значения, если действовать быстро...

За спиной было тихо. Колонна прошла и где-то за деревней вливалась в общую массу наступающей армады. По курсу с середины развалины кирпичных строений, поваленные бетонные

заборы, кучи мусора. В мирное время здесь работал цементный завод, на котором и трудилось работоспособное население села. Ближе к лесу сохранились корпуса, выделялась конструкция порталного крана, разбитый стенд наглядной агитации, стела с лицами передовиков производства. Вздрыгнули рельсы узкоколейки, по которой подвозили сырье и увозили готовую продукцию. Нужды бомбить завод у немцев не было, однако они это сделали. В самом деле, чего он тут стоит? Шубин махнул рукой. Поднялись Кошкин с Герасимовым, перебежали, залегли. Шлыков вопросительно поглядывал: «Пойдем, командир?» Ну, пошли, Петр Анисимович... Глина хрустела под ногами, выстреливала из-под подошв бетонная крошка. Разбитые секции забора оцетинились арматурой. Все дружно присели, прежде чем перелезть через ограду. Немцев в округе не было – где все? Пропали, как по мановению волшебной палочки? Только из-за лесополосы шел прерывистый гул. Перебежать территорию разрушенного завода труда не составило. Здесь не было постов – с какой стати? По взмаху руки бойцы перелезли на территорию завода, затаились. Предприятие не было гигантским, но и маленьким не назвать – возведенное в годы индустриализации, оно снабжало цементом чуть не все районные стройки...

– Товарищ лейтенант, мы, кажется, в точку попали, – возбужденно зашептал Кошкин. – Немцы починили мост и теперь используют каждую тропку, чтобы не толкаться в заторах. Они идут к Неклидово – слышите, как гудит за леском? Давайте свяжемся с нашими – пусть готовят встречу? А то вдруг не успеют...

Шубин колебался. Да, все выглядело именно так. Но могли быть нюансы, он должен все увидеть собственными глазами. Да и нет возможности в этих развалинах связаться с полком. А до уцелевших корпусов бежать дольше, чем до леса...

– Пройти завод и выдвинуться через лесополосу к дороге, – скомандовал Глеб. – Мы должны сами все увидеть. Из того леса и радируем в полк. Время есть. До Неклидово немцы будут идти полдня...

Снова бегали фигуры в комбинезонах. На открытые участки старались не лезть, держались развалин и мусорных гор. За территорией завода обнаружилась еще одна накатанная дорога. Она тянулась вдоль лесополосы, и, судя по вдавлинам в грунте, немцы этим проселком активно пользовались. Заросли бурьяна подступали к дороге. Всего лишь один рывок...

Но не тут-то было. Слева усилился шум. Шубин жестом показал: «Всем назад!» Разведчики попятнулись как раки, перебрались через обломки бетонных секций. Штыри арматуры цеплялись за одежду, острые грани резали пальцы. Но все успели, прижались к плитам. Эту дорогу немцы использовали как дополнительную артерию. Прошла, изрыгая чад, небольшая танковая колонна. Средние Т-4 – самые популярные у немцев танки на этой войне. Массивные, почти шесть метров в длину, около трех в ширину, оснащенные грозной 75-мм пушкой и двумя пулеметами МГ-34. Огромные 25-тонные махины, заделанные в катаную броню, они смотрелись весьма устрашающе. На грязных бортах белели кресты. Из башенных люков высывались головы в гермошлемах. Лязгали колеса, скрипели гусеницы, колонну окутало черное смрадное облако. Немцы использовали не очень качественный бензин – но недостатка в нем не испытывали. Колонна прошла – хоть почихать вволю! Шлыков приглушенно выругался, свернувшись крючком, – с его ростом это было несложно. Перебежать дорогу опять не успели – потянулись грузовики с пехотой. Колеса тяжелых машин проседали в грунт, тряслись борта, и из кузовов неслись недовольные выкрики. Каждая машина перевозила два отделения полностью экипированных пехотинцев. Визжала губная гармошка. На подобные нюансы в восточной кампании немцы не рассчитывали и до сих пор были в шоке. Где дороги, черт возьми? Как эта страна, объявившая себя великой и экономически развитой, умудрялась жить без дорог? В этой стране было так много загадочного...

Потом по проселку проехал штабной «опель». Разведчики тоскливо проводили его глазами – какой, черт возьми, «деликатес»! В машине сидели явно не фельдфебели. Словно Бог услышал их молитвы – «опель» начал тормозить и остановился метрах в семидесяти правее!

Слюнки потекли от вождения. В следующую минуту выяснилась причина остановки. Из машины выскочил ефрейтор без пилотки, обежал вокруг капота и присел у колеса. Последнее оказалось спущено. Водитель удрученно покачал головой, потыкал в него пальцем. Шина не была проколота, иначе спустило бы полностью. Требовалась подкачка. Водитель знаками показал пассажирам: айн момент, господа, засеменял к задней части «опеля», где имелось багажное отделение, и выудил из него громоздкий насос. На процедуру требовалось несколько минут. Шофер потащил насос к колесу, стал возиться, согнувшись в три погибели. Отворилась дверь, и с пассажирского сиденья сошел самый настоящий полковник вермахта с витыми погонами и диагональной алой нашивкой на груди! Разведчики онемели. Сработал инстинкт – вот это да! Такого просто не бывает! Оберст был в годах, но смотрелся предстательно и выправку имел, как у молодого поручика. Он обзрел окрестности орлиным взором, пренебрежительно покосился на водителя, прилаживающего насос к колесу. Потом сделал шаг, открыл заднюю дверцу. С любезной улыбкой выбралась молодая женщина в элегантной форме! Светлые кудряшки венчала форменная пилотка. У нее было привлекательное кукольное лицо, курносый нос, бегали внимательные глаза. Полковник что-то вкрадчиво поведал даме: мол, нечего волноваться, фрау, здесь безопасно, русских давно прогнали. Отчего не подышать свежим воздухом, раз выдалась минутка? Дама согласилась. У нее была хорошая фигура. Форменная юбка обтягивала бедра, ремень с сияющей пряжкой подчеркивал миниатюрность талии. «Отважная» барышня, не побоявшаяся приехать в дикую Россию, служила в СС – в петлицах поблескивали спаренные древнегерманские руны. Мужчина с женщиной стали увлеченно беседовать – видимо, о симфониях Вагнера и акварелях Дюрера. Водитель работал насосом и украдкой поглядывал на заднюю часть особы в эсэсовском наряде. Разведчики затаили дыхание, смотрели во все глаза. Кошкин стал усиленно моргать – не мерещится ли?

– А ну, отставить эти скупые мужские слюны, – проворчал Глеб. – Забыли, где находитесь и кто перед нами?

– Вы не правы, товарищ лейтенант, – возразил Герасимов. – Мы эту ведьмочку даже не замечаем. Подумаешь, баба. Наши все равно лучше. Эту мерзавку пристрелить надо... Но целый полковник, товарищ лейтенант... – Серега чуть не плакал, и понять его было можно, достаточно лишь представить рыбака, ведущего к берегу гигантского сома – и этот монстр уже готов сорваться!

– Товарищ лейтенант, это невыносимо... – заныл Кошкин. – Да хрен с ней, с бабой, она все равно ничего не знает – просто подстилка для эсэсовской знати... Но полковник, мать его за ногу... Неужели стерпим, товарищ лейтенант? Представьте, как много он знает! Можно и не тащить к своим, сами допросим, а потом свалим. Не найдут нас в этих лесах – они же повсюду... Давайте захватим, товарищ лейтенант, пока армейских не видно? В машине еще одна фуражка, больше нет никого, дружно навалимся, используем глушители... Товарищ лейтенант, этот шнырь сейчас шину накачает, и они уедут...

Нервная дрожь охватила лейтенанта. Он тоже был равнодушен к высокопоставленным немецким офицерам! Перестрелять присутствующих не проблема. Смушало другое: даже успеют – неизбежно подъедет кто-то еще, и трудно не заметить на дороге штабную машину и трупы... Ладно, они уже будут далеко. Шубин решил.

– Навернуть глушители. Ползем вдоль ограды, задницы не поднимаем. Да быстрее, ефрейтор уже заканчивает...

Вставать было глупо – до машины семьдесят метров! Успеют выстрелить, кого-то зацепят. Разведчики ползли вдоль дороги, задыхались от волнения. Их прикрывали обломки забора, горы прочего мусора. Пару раз посчастливилось даже встать, сделать пробежку. Прошла минута, группа собралась напротив «опеля». Ефрейтор закончил работу, аккуратно скрутил шланг и понес насос в багажник. Мужчина с женщиной продолжали любезно общаться. Водитель возился, долго не мог пристроить насос на положенное место. Те двое не спешили,

они неплохо себя чувствовали. Женщина издали смотрелась лучше. Вблизи оказалось, что она не девочка – хоть и улыбалась, а в глазах блестели льдинки. Болтал в основном полковник. Доносились обрывки фраз: ничего страшного, дорогая Марта, жару в этой дикой стране мы уже пережили, переживем осеннюю распутицу, а там, глядишь, и Москва. В ней значительно комфортнее, чем здесь. К вечеру прибудем в городок с непроизносимым названием, и там полковник обязательно распорядится, чтобы фрау Марте выделили достойное жилье. Не все так плохо в этой стране – здесь были чиновники, партийные шишки, и проживали они отнюдь не в землянках. Их дома в данный момент по естественным причинам пустуют... Мужчина смеялся. Разведчики приготовили пистолеты с глушителями, ждали команды. Ефрейтор закрыл багажник, засеменил к своей двери. Шубин кивнул: бабу и водителя в первую очередь, потом того ленивца, что развалился на заднем сиденье...

И ведь едва не открыли огонь! Глеб заскрипел зубами: отставить, не стрелять! С левой стороны показалась колонна. Именно так и работал закон подлости! Бойцы застонали от разочарования. Шубин изобразил знаками: «Всем спуститься, залечь под плитами, не подавать признаков жизни!» Подошла небольшая танковая колонна. Те же пресловутые Т-4, способные играючи пробивать броню старых советских танков. Шесть машин – танковая рота. Они уверенно катили по дороге, выдерживая дистанцию. Первый танк был командирским – на башне покачивалась антенна. «опель» перегородил дорогу колонне, но полковника и даму это обстоятельство не беспокоило. Они прервали беседу, уставились на колонну. Головной танк съехал с дороги, вздрогнул и встал. Остальные тоже остановились. Мурашки поползли по коже – до головного танка было метров пять. Из башни выбрался подтянутый танкист с погонами гауптмана, спрыгнул на землю, подошел к полковнику. Взметнулась рука в нацистском приветствии. Оберст небрежно кивнул, начал что-то говорить. Очевидно, офицеры служили в одной части. Гауптман слушал, учтиво кивал. Женщина с интересом разглядывала нового собеседника и даже состроила глазки. Потом полковник распахнул заднюю дверцу «опеля», дождался, пока женщина сядет, и снова что-то бросил танкисту. Тот кивнул и опять вскинул руку. Полковник смерил его оценивающим взглядом и сел в машину. Из выхлопной трубы вырвался дымок. «опель» дернулся и покатил дорогой. Гауптман постоял на проезжей части, потом отправился к своему танку, вскарабкался на броню и махнул командиру второй машины: проезжайте. Машина дернулась, окуталась смрадным дымом и тронулась с места. За ней поползла стальная колонна. Командирский танк остался на месте, продолжал нервировать. Три машины ушли в поворот, исчезли за руинами завода. Еще две съехали с дороги, свернули вправо и отправились по заваленному мусором проезду между цехами. Очевидно, оберст, ввиду неясной тревоги, приказал взять разрушенный объект под охрану. Или что-то еще – в этом меньше всего хотелось разбираться. Через минуту на сцене остался единственный танк. Двигатель боевой машины работал на холостом ходу. Гауптман тоже испытывал безотчетное беспокойство – он словно чувствовал русский дух! Он поводит головой, обозрел лес за дорогой, скорбные руины цементного завода, пыливо уставился на обломки ограды в пяти метрах от себя. Гауптман нахмурился – интуиция подавала сигналы. Офицер был не юн. Три десятка он давно разменял, но выглядел убедительно – хорошая осанка, пытливые глаза, плотно сжатые губы. Танкист повел плечами, поморщился. Потом резко повернулся, постучал кулаком по броне.

– Эй, в танке, можете выйти, пять минут на перекур!

– Товарищ лейтенант, что делать будем? – прошептал вспотевший от волнения Шлыков.

– Не шевелиться.

– Ага, можно подумать, мы тут бегали, – фыркнул Герасимов.

Прыснул в кулак Леха Кошкин – и сделал смирное лицо, когда Шубин впился в него свирепым взглядом. Из открытого люка выбрались члены экипажа в темно-серых комбинезонах. Двое – с автоматами МР-40, остальные довольствовались пистолетами. Парни были молодые, светловолосые, радовались жизни. Отправилась по кругу пачка сигарет, защелкали зажигалки.

Глеб украдкой разглядывал их в щель между бетонными плитами. Вышли все, экипажи подобных машин состояли из пяти человек: командир танка, механик-водитель, стрелок-радист, наводчик и заряжающий. Военнослужащие увлеклись беседой. Один отклеился от компании, прыжками кинулся через дорогу по нужде, исчез за кустами. Его проводили добродушными шутками: правильно, Гюнтер, не надо это долго держать в себе. Вот с чьей легкой руки по танку плавали умопомрачительные ароматы! Смеялся радист с изнеженным женским лицом: он же говорил, что бабка в деревне отравит их несвежими яйцами! Так смотрела, ведьма старая, рука тянулась разрядить обойму в морщинистую тварь! Гауптман не принимал участия в перекуре, он взобрался на броню, спустился в люк, но вскоре опять возник – уже в наушниках, поднес к губам переговорное устройство со спиральным проводом, начал говорить. Сеанс связи продолжался около минуты, гауптман отключил микрофон. Вернулся, подтягивая штаны, облегчившийся танкист, выслушал свежую порцию острот.

– По местам! – крикнул гауптман и выбрался из люка, чтобы пропустить подчиненных (место командира находилось в башне). Члены экипажа бросили окурки, потянулись к танку. Гауптман – это не полковник, но должен знать, что тут происходит! Жареный петух клюнул в соответствующее место. Шубин действовал импульсивно – махнул рукой. Все четверо поднялись одновременно, бросились вперед, ведя огонь из пистолетов с глушителем. Споткнулся Шлыков, перебираясь через плиту – но эффективность огня от этого не пострадала. Атака была стремительной, звуки выстрелов слились с холостой работой двигателя. Танкисты валились, как подкошенные. Малорослый механик треснулся лбом о гусеницу, но вряд ли что-то почувствовал. Только радист с изнеженным лицом успел обернуться и вскинуть автомат. Физиономия перекосилась, стала какой-то жалобной, детской. Пуля вошла под шею, в районе щитовидной железы, радист картинно потрянул головой, демонстрируя, как ему больно...

В этом побоище забыли про гауптмана. А тот временно впал в ступор. Потом задергался, словно кукла на резинке, подался к башне, передумал, стал трясушимися пальцами расстегивать кобуру. Ахнув, Шубин кинулся к танку, перемахнул через огрызок плиты, устремленный в небо зазубренным концом. Гауптман со страхом смотрел на него, издавал невнятные звуки. Откуда взялись эти лешие? Шубин подбежал к танку, когда гауптман извлек наконец пистолет – в прыжке схватил офицера за голень. Что еще оставалось? Этот тип был нужен живым! Крик слился с пистолетными выстрелами – он все же ухитрился дважды нажать на спуск! А это прямо катастрофа! Гауптман стрелял в небо, он потерял равновесие. Но это слабое утешение. Выстрелы услышат и через минуту будут здесь. Но не бросать же добычу! У офицера подломилась нога, он растянулся на броне. Вальтер выпал, и попытки до него добраться успеха не возымели. Шубин тащил его за ноги, но тот вцепился в скобу на выступе между башней и гусеничной платформой, держался из последних сил. Бешенство бурлило в голове, выплескивалось, как кипящая вода из кастрюли. Гауптман не сдавался, отбивался ногой и чуть не засадил противнику в челюсть. Какой уж тут порядок в танковых войсках! Шубин с рыком взобрался на броню, но и танкист не сидел без дела, извернулся, схватился за край люка – видимо, решил, что опять потащат за ноги. Этот безумный поединок стал надоедать. Остальные не лезли, понимали, что будут лишними. Глеб навалился на танкиста, бил его кулаком в загривок. Но тот лишь хрипел, тряс головой и никак не хотел разжать конечности. Неподалеку гудели моторы – немцы спешили на выстрелы! Последующие события происходили, видимо, без участия головы. Рассвирепевший лейтенант ударил по шее ребром ладони – противник охнул и наконец разжал руки. Глеб схватил его за шиворот, другой рукой – за ремень на спине. Тьма в глазах от дикого напряжения. Гауптман обмяк, но все равно это тяжесть! Он нырнул в люк головой вниз, а в следующий момент Глеб перекинул ноги и принялся утрамбовывать добычу в танк. Что-то более рациональное в голову не пришло.

– Товарищ лейтенант, что вы делаете? – воскликнул Герасимов.

Хотел бы он знать, что он делает! Путаясь в проводах, натыкаясь на стальные защитные экраны, он свалился вниз, оттащил в сторону дрожащего офицера. Внутри пространства было больше, чем в советском танке, но все равно это танк!

– Мужики, давайте в лес... – захрипел он. – Замаскируйтесь...

Но дурной пример так заразителен. В танк свалился Шлык, стал карабкаться в переднюю часть на сиденье стрелка-радиста. Сверху свалился мешок с аккумуляторной батареей. Застонал гауптман, получивший по бедру.

– Мужики, ну, это ни к селу, ни в Красную Армию... – барахтался Леха Кошкин, отдавливая ноги. – Эй, куда ты прешь? – зашипел он на Герасимова, лезущего следом. – Нет больше мест, все занято...

– Вы охренели? – ужаснулся Шубин. – Куда вы лезете, вашу мать налево и направо... Я же в лес сказал бежать...

– Товарищ лейтенант, спросите что-нибудь полегче... – бормотал Герасимов, гнездясь в тесном пространстве. – Мы не слышали, что вы там командовали... Вы полезли – и мы за вами... Да все в порядке, их пятеро было в экипаже, и нас пятеро, должны уместиться, если грамотно распределимся...

– Кретины, немцы к нам уже едут...

– А вот об этом, товарищ лейтенант, мы как-то не подумали...

Шубин застонал, схватился за голову. Предельно драматичная сцена – не могли придумать что-то веселее? Но в безумии имелся свой резон – пропусти разведчики через дорогу, их бы заметили выезжающие с завода танкисты. А так их прикрыли руины котельной. Загрузились в танк довольно быстро. Это была классическая западня! Двигатель продолжал работать на холостом ходу, гудело в меру. В открытый люк было слышно, как немецкий танк выворачивает на дорогу, цепляет какие-то незакрепленные конструкции, и они с грохотом рушатся.

– Товарищ лейтенант, может, люк закроем? – простонал Кошкин. – А то дует что-то... Мать честная, вот скажите на милость, зачем мы это сделали?

Жирный пот заливал лицо, суженное пространство плясало перед глазами. Провода, кронштейны, плотно стоящие сиденья. В средней части у борта – продолговатые ящики с оружейными снарядами. В танке пахло потом, какой-то острой «металлической» химией. Под ногами стонал пленник. Возились люди, не находя себе места. Ни разу в жизни лейтенант Шубин не находился внутри танка – так уж распорядилась судьба! Вряд ли этого стоило стыдиться. Внутри подводной лодки он тоже не бывал, а также на борту военного судна, в кабине пилотов тяжелого бомбардировщика, в открытом небе под куполом парашюта... Разведчики застыли, смотрели на командира с неясной надеждой. Дневной свет проникал сквозь смотровые щели, растекался по бледным лицам. Танк вывернул с узкого заводского проезда. За ним показался второй. Грохот стоял, как в мартеновском цеху. Глеб лихорадочно озирался. В передней части танка два места – для механика-водителя и стрелка-радиста, там находился пулемет МГ-34. Внутри башни три места – для командира, наводчика и заряжающего. Командирское сиденье – по центру, наводчик – слева от казенной части пушки, заряжающий – с обратной стороны. Командирское пространство в задней части башни давало танку неплохую обзорность. Там же находились рычаги, кнопки – башня имела электрический привод поворота. Немцы уже были рядом. Тревожно кричал танкист, высунувшись из башни, – как не заметить четыре трупа под гусеницами! Обложили, черти, – с обратной стороны подъезжал грузовик, набитый солдатами!

– Ну все, братцы, – обреченно вымолвил Герасимов. – Кажется, отвоевались... Товарищ лейтенант, идеи есть?

Застонал пленный гауптман под ногами. Затравленно блуждали глаза. Шубин схватил его за шиворот, встряхнул, заговорил по-немецки, не боясь, что снаружи услышат – ни черта они не услышат!

– Герр гауптман, к вам обращается офицер советской разведки. У вас имеется неплохая возможность пожить еще. Вы должны понять, что наша гибель автоматически влечет и вашу гибель. Соображаете, что это такое? Вы уже никогда не будете жить. НИКОГДА, осмыслите, пожалуйста. Так что быстрее приходите в себя и будьте добры, выкручивайтесь. Даю подсказку: экипаж танка подвергся внезапному нападению русских диверсантов. Они перестреляли ваших людей. Вы успели произвести пару выстрелов и нырнули в люк. Вы ранены, но это легкое ранение. Диверсанты сообразили, что не успеют вас схватить, и убежали в лес. Они недалеко, их надо ловить всеми имеющимися силами, улавливаете мысль? Скажите же хоть что-нибудь, герр гауптман.

Он жадно всматривался в лицо офицера. Того сжирали страх, растерянность, боязнь потерять (причем бесславно) свою уникальную жизнь. Слава богу, в затравленном взгляде отсутствовала тяга выполнить до конца свой воинский долг! Эти люди храбрые на поле сражений, в окружении своих солдат и боевой техники. Когда они оказываются в безнадежных ситуациях, в них что-то ломается и уже не подлежит восстановлению. Пленный гауптман был именно из той плеяды.

– Да, я понимаю... – выдавил танкист. Страх за собственную жизнь перевешивал стыд.

– Тогда действуйте, черт вас возьми, и помните, что одно неверное слово...

– Господин гауптман, вы здесь? – колотился в броню танкист. – Что случилось, почему все люди мертвы?

Загомонили солдаты, покинувшие кузов грузовика. Заклацали затворы карабинов, посыпались отрывистые команды. Сердце сжалось, плохо работали легкие – невозможно продохнуть. Шлык извлек из подсумка гранату, зацепил пальцем кольцо чеки, застыл. Превосходная мысль! Всю команду порвет на куски, немцы не пострадают, а танк после недолгого ремонта вернется в строй.

– Я здесь, Шнитке... – пронзительно взвизгнул гауптман. – На нас напали русские диверсанты, мы не смогли оказать сопротивление... Они еще здесь, убежали в лес, вы должны их поймать...

– Герр гауптман, с вами все в порядке?

– Да...

– Подождите, я вас почти не слышу... – танкист подался вверх, перевалил тренированное туловище на гусеничную платформу. Бороться с этой напастью было невозможно, но последняя надежда еще не угасла! Когда он всунулся в люк, навстречу вылезла бледная, как у мертвеца, физиономия гауптмана. Плечистое туловище перекрыло проход, и танкист не видел, что происходит внизу. В заднее место офицера уперся ствол ПППШ, и даже не обладая большим воображением, можно представить, что произойдет, если автомат выплюнет даже одну пулю. Из горла, конечно, не выйдет, но...

– Товарищ лейтенант, вы прямо врач... этот, как его... – прошептал Кошкин и заткнулся, получив тумак от Герасимова. Точное название врачебной специальности Шубин тоже не помнил, но что-то связанное с лечением заболеваний толстой кишки.

– Шнитке, меня ранили, но легко, зацепило ногу, я сам себе сделаю перевязку... – забормотал гауптман. – Русские не могли далеко уйти. Я успел укрыться в танке, остальные не успели... Они убежали в лес и сейчас прячутся где-то там – между нами и дорогой... Пусть все, кто есть в наличии, отправятся на их поиски. Солдаты должны прочесать лес. Поставьте все наши танки на просеках, следите за обстановкой... Диверсанты могут навредить нашим колоннам, идущим на восток... Вы меня поняли, Шнитке?

– Так точно, герр Кальцман, я вас понял... – Танкист был озадачен, его съедали смутные сомнения. – Герр Кальцман, а вы уверены, что не хотите покинуть танк?

– Шнитке, вы теряете время! – Гауптман сорвался на визг. – Я не могу вылезти, потому что получил ранение... Не надо медика, сам перевяжу рану и покину танк... Не тяните резину, ищите диверсантов...

– Я вас понял, герр Кальцман... – Танкист скатился с брони и принялся орать дурным фальцетом. Глеб стащил гауптмана обратно в танк, швырнул под ноги. Люди не дышали, в полумраке поблескивали выпученные глаза. Вокруг танка учинились ритуальные пляски. Бегали солдаты, покрикивал унтер-офицер. Их было человек пятнадцать – явно мало, чтобы прочесать широкую лесополосу. Но не проблема, подойдут другие. Часть людей припустила по дороге на запад, развернулись в цепь и отправились к лесу. Остальные потянулись в обратном направлении. Цепочку солдат догнал водитель грузовика – ему тоже нашлось местечко в облаве. Оба танка, тряся пушками, стали разворачиваться практически на месте. Исчезли ненавистные немецкие морды в шлемофонах, захлопнулись люки. Гусеницы комкали и выдирали траву на обочинах, густым столбом зависла пыль. Танки удалялись, волоча за собой хвосты дыма. Первый свернул в лесополосу метров через двести – там имелся проселок. Второй отправился дальше, исчез за разрушенными корпусами. Где находились еще три, оставалось загадкой...

– Что это было, товарищ лейтенант? – простонал Кошкин. – Все так неожиданно-негаданно... Выходит, мы у немцев танк спиионерили?

– Ага, это как у цыгана спереть лошадь, – прыснул Герасимов.

– Петр Анисимович, гранату убери, – глухо вымолвил Шубин, – а то разнесешь нас всех на радостях. Надеюсь, кольцо еще не выдернул?

– Ах да, – спохватился Шлыков и сунул гранату в подсумок. – Сваливать отсюда надо, товарищ лейтенант. Немцы скоро вернутся, хрен тогда уйдешь.

– Неправильная мысль, Петр Анисимович. Немцы как раз везде, кроме этого танка. Нельзя на улицу, сразу положат. Но ты прав, надо уходить из этого квадрата, скоро подтянутся сослуживцы и будут вытаскивать из танка своего командира...

Он задумчиво воззрился на пленника. Герр Кальцман покрывался зеленью. Теплая собралась компания, нечего сказать. Герасимов забрался наверх, закрыл люк – хватит уже проветривать.

– Ну что, экипаж машины боевой... – задумчиво изрек Шубин. – Готовы растянуть удовольствие? Кто-нибудь умеет танк водить?

– С какого перепоя, товарищ лейтенант? – фыркнул Шлыков. – Мы, знаете ли, бронетанковых академий не оканчивали...

– А он у нас кто? – Герасимов пихнул ногой гауптмана. – Наводчик? Заряжающий?

– Командир танка, блин... – хохотнул Кошкин.

Гауптман обреченно вздохнул и закрыл глаза. Иллюзий насчет своей участи он, естественно, не питал. Но лейтенант советской разведки в общем-то не соврал – дал еще пожить.

– Герр Кальцман, хотите прокатиться? – вкрадчиво спросил Шубин. – Вы же умеете управлять собственным танком, не правда ли? Ау, герр Кальцман, – он потряс пленника за плечо, – не делайте вид, будто вы меня не понимаете. Открываем глазки, собираем мысли... Спасибо, герр Кальцман. Вы понимаете, что от вас требуется?

– Вы сошли с ума...

– Не буду с вами спорить. Тем не менее вам придется взять на себя управление – под нашим, разумеется, чутким контролем.

– Но вы все равно меня убьете...

– Давайте не будем забегать вперед, договорились? Садитесь за рычаги и насладитесь поездкой. Ваши танки были на заводе, верно? Вот в тот проезд вы и свернете. А дальше посмотрим. Но обещаю, долго вас мучить мы не будем.

– Товарищ лейтенант, мы что, на немецком танке поедим? – дошло до Кошкина. – Прямо к нашим?

– Нет, боец, мы не настолько безумны, чтобы на этом чудовище ехать к нашим. Нужно только выйти из опасной зоны... Шлыков, что сидишь? Хватай нашего друга – и на место механика-водителя, а то он сам никогда не решится. Да держи под прицелом, чтобы не увлекся...

Глава третья

Не верилось, что они это делают! Кальцман трясся, зубы выбивали немецкую чечетку. В бок упирался ствол автомата, Шлыков следил за каждым его движением. Нужно было срочно убираться, пока дорога пуста. Танк обладал неплохой обзорностью. Резкий запах бензина разъедал ноздри. Т-4 пылил по дороге, окутанный смрадом. Шубин покрикивал: «Не так быстро, герр Кальцман, где ваши нервы? Хотите вызвать подозрение ваших соратников? Сворачивайте направо, куда вы так разогнались?» Под гусеницами уминались кирпичные обломки, что-то падало. Боевая машина вписалась в узкий проезд, заваленный мусором. Мимо бежали кирпичные стены, рваные глазницы оконных проемов. Закрадывалось опасение, что гауптман хочет на полной скорости направить танк в стену, разбить его в лепешку! Шлыков покрикивал, как искушенный надзиратель, прессовал стволом ребра. Глеб не выдержал – поднялся в башню, цепляясь за противоккумулятивные экраны, распахнул крышку люка. Трясся пулемет, закрепленный в турели. Дай бог, чтобы не пришлось им воспользоваться! Т-4 покорял развалины завода, приблизился к южной ограде, лежащей в руинах. Посторонних в округе не было. По дороге, откуда они ушли, тяжелые тягачи буксировали зачехленные орудия. Расчетам не было дела до одинокого танка – тем более своего.

– Товарищ лейтенант, куда дальше? – крикнул Шлыков. Глеб захлопнул крышку люка.

– Прямо, герр Кальцман! Медленно перебирайтесь через завал – и к лесу! Если не ошибаюсь, на опушке есть пролесок!

Танк, ревя, как мастодонт, перевалил через бетонные обломки и двинулся дальше – вразвалку, «косолапя» на ямах и холмиках. Вдоль опушки тянулась дорога, немцы ею не пользовались – проезжая часть заросла чертополохом, валялись ветки и стволы деревьев. Для стального чудовища эта масса гниющей растительности была не помехой, пришлось лишь сбросить скорость. Шубин распахнул люк. Теперь завод находился слева, а лес – совсем рядом, и в него вливалась еще одна дорога! Но протиснется ли танк? Это не имело значения! Шубин выкрикивал команды, и Кальцман послушно их выполнял. Такое ощущение, будто танк прорубал просеку! Трещали молодые деревья, гусеницы вдавливали в почву мелкие кустарники. Казалось, еще немного, и танк увязнет, застрянет в бутылочном горле. Но он продолжал движение, прорывался сквозь лес. Посмеивался Герасимов: для танков тупиков не бывает. Пробьем – будет дорога! Погоня задерживалась, но уже очевидно, что немцы почуяли недоброе у себя под носом. На выезде из чащи танк чуть не встал дыбом – наехал на пень, вывернул его из земли, с лязгом повалился обратно на гусеницы. Распахнулось пространство – волнистый луг, метров шестьсот до ближайшего осинника. Где Кольцово? Не хотелось бы с ветерком промчаться по главной улице села. Нет, Кольцово правее, а к востоку от села – сплошные леса, что Шубина вполне устраивало. Он прокричал, что нужно идти через поле и меньше всего озадачиваться отсутствием дороги. Но дорога здесь была, тянулась через луг и обнаружилась метров через двести, за стеной луговых трав ковыльного типа. По ней катили два мотоцикла концерна БМВ, набитые вооруженной публикой!

Не только Шубин их заметил. Разведчики загомонили, припали к прорезям. Напрягся гауптман, шкодливо забегали глаза. Но взвыл от боли, когда ствол автомата просверлил дыру в ребрах. Шубин продолжал командовать – иногда забывался, переходил на русский. Хорошо еще, что здесь собрались не все германские вооруженные силы! Боевая машина взгромоздилась на дорогу, двинулась навстречу мотоциклистам. Встречные опешили – что за блуждающий танк? Но самого страшного не заподозрили, просто удивились. Они ушли с дороги, чтобы пропустить разведчиков. Мотоциклисты носили прорезиненные плащи, на лицах – огромные защитные очки, фактически маски. Каждая коляска была оснащена пулеметной точкой. Танк невозмутимо прогрохотал мимо, проплыли вытянутые лица. Мотоциклисты перекликнулись,

пожали плечами. Опасность осталась позади, в этот момент Глеб и обнаружил, что мотоциклетное войско разворачивается и устремляется в погоню!

Он кусал губы, всматривался в узкую щель. Противник не стрелял, но погоня приближалась, пулеметчики на всякий случай прильнули к прицелам. До леса оставалось метров триста, когда они уперлись в зад, но объехать не могли, ширина дороги не позволяла. Мотоциклисты что-то закричали, замахали руками, призывая остановиться. Стало интересно – что они подумали? Танк не останавливался. Головной мотоцикл ушел вправо, преодолел покатую канаву и вынесся в поле. За ним второй – хорошо еще, что шли гуськом, а не обжали с двух сторон! Немцы шли параллельным курсом, продолжали кричать. Экипаж не реагировал. Скорость движения едва ли превышала тридцать километров в час. Лес находился справа, дорога огибала его восточную оконечность. Немцы злились – они уже поняли, что с этим танком что-то не так. Прогремела предупреждающая очередь. И снова экипаж не дул в ус. У немцев кончилось терпение, они вырвались вперед, обогнали танк и взгромоздились на дорогу. Теперь они были совсем рядом, мотоциклисты выворачивали шеи. А вот это Шубина вполне устраивало! Он вылез из башни, припал к пулемету. Испуганно вскрикнул солдат, сидящий на закорках. Очередь обрушилась на всю троицу. Крикун и пилот выпали из седел, пулеметчик завалился носом. Машина, потерявшая управление, ушла в сторону, вынеслась за пределы дороги и перевернулась. Танк давил мертвых. Гауптман что-то негодуя хрипел, но Шлыков не дремал: «Форвертс!» Второй мотоциклист ударил по тормозам, стал разворачиваться. Заорали луже-ные глотки. Солдат за спиной пилота сделал попытку спрыгнуть, но уже не успевал – всей своей 25-тонной массой танк смел мотоцикл вместе с содержимым... и вторая очередь не понадобилась. Мотоцикл отбросило. Извивались под гусеницами еще живые люди, но крики быстро стихли. Шубин спрыгнул в нутро танка – как же надоели эти метания вверх-вниз!

– Ну что, братцы, как тут у вас?

– Глухо, как в танке, товарищ лейтенант! – засмеялся Герасимов. – А убедительно вы их, нечего сказать!

– Да, я старался... Герр Кальцман, вы еще с нами? Что случилось с вашей бодростью духа? Уходите с дороги, объезжайте край леса!

За этим краем снова было поле – по счастью, небольшое, а главное, куда ни глянь, полностью свободное от вражеских частей и подразделений! Самое время прекратить искушать судьбу.

– Товарищ лейтенант, что у нас с идеями? – осторожно спросил Кошкин.

– Полный мешок идей, боец! Герр Кальцман, напрямую к лесу! Вы еще не устали с нами? Ничего, скоро все кончится, обещаю!

– Подходит к концу увлекательная поездка? – поскущел Герасимов.

– Понравилось кататься? Извини, товарищ, любишь кататься – люби и саночки возить.

Приготовиться к высадке!

Езда на танке превращалась в беготню от смерти. За четыре минуты танк преодолел поле, вонзился в шиповник на опушке, протащил за собой несколько кустов и молодых деревьев. Теперь он был не так заметен с поля.

– Герр Кальцман, глушите двигатель!

Немец откинулся на сиденье, повисли руки. По лбу катились градины пота. Он пережил огромное унижение, и тяга к жизни уже не являлась приоритетной. Шубин первым выбрался наружу. Еще потряхивало, кружилась голова. Вонь от сгоревшей двуокиси заглушала ароматы осеннего леса.

– Мужики, подавайте Кальцмана! Герр гауптман, сами выйдете или кантовать прикажете?

Пленник вылез самостоятельно, бледный как смерть. Его качало. Гауптман угрюмо смотрел в отверстие ствола направленного на него автомата. Спрыгнули с брони остальные, сбро-

силы тяжелые вещмешки с рацией. Хозяйственный Шлыков прихватил немецкий медицинский набор и нераспечатанную пачку безвкусных овсяных галет.

– Ты как это есть собрался? – поморщился Герасимов.

– А мы их под водочку, – подмигнул Шлыков. – Да, кстати, насчет водочки, – наметанный глаз безошибочно вычислил фляжку на поясе гауптмана. – А ну, замрите, господин хороший... – Он отцепил ее от пояса, открутил колпачок, понюхал и сделал уважительную мину.

– Дай-ка, – Герасимов отобрал у товарища фляжку, тоже приложил нос, – нормально, кстати, пахнет, это точно не шнапс.

– Французский коньяк, – сообщил Кальцман, презрительно оттопырив губу. Люди поняли без перевода, дружно заулыбались.

– Так, слюни подобрали, – нахмурился Глеб, – советские разведчики на задание выпившими не ходят, все помнят? Коньяк разрешаю реквизировать в качестве трофея, надеюсь, герр Кальцман нам это позволит. Убери трофеем подальше, Петр Анисимович, и все об этом забыли. Объявляется марш-бросок – направление юго-восточное. Выйдем из опасной зоны – свяжемся с нашими. Ну что, безлошадные, за мной?

Снова мелькали овраги и балки, разреженные осинники сменялись труднопроходимыми ельниками. Немец задыхался, его гнали без жалости. Группа скатилась в овраг и несколько минут лежала, восстанавливая дыхание.

– Кошкин, наверх. Сиди и слушай. Немцы будут искать своего офицера. Но минут пятнадцать форы у нас есть.

Допрос проходил в жесткой форме – время поджимало. С господином Кальцманом провели достаточно времени, но близким другом он от этого не стал. Шубин сразу предупредил: не будет полезных сведений – будет очень больно. Немец полностью обессилел, был выжат морально и физически. То, что он наделал, пребывая за рычагами танка, подействовало на Кальцмана угнетающе – он давил своих солдат! Смерть была не за горами, и он готов ее принять. Но только не через боль. Задыхаясь, закатывая глаза, он выдавливал из себя ценные сведения. Танковую группировку возглавляет полковник Зильберт – разведчики уже имели честь его лицезреть. Под началом фон Зильберта – три танковых полка – во всех машинах полные баки горючего; несколько батальонов моторизованной пехоты, десятков самоходных артиллерийских установок – и вся эта мощь движется к Неклидово, не встречая сопротивления. Группировке придан моторизованный батальон частей усиления Ваффен-СС – для зачистки прилегающих к дороге деревень и прикрытия колонны с флангов. У немцев есть подробные карты местности и проводники из числа местных жителей, перешедших на сторону великой Германии. К 17.00 танковая армада должна выйти к указанному рубежу и на колхозных полях западнее населенного пункта вырваться на оперативный простор. Далее – по дороге вдоль реки Тыворга выйти к населенному пункту Черкасово и перекрыть дорогу отступающей русской дивизии. Данная операция – составная часть крупномасштабной кампании вермахта, призванной запереть западнее Вязьмы все имеющиеся у русских войска. В действии – план верховного командования вермахта под условным названием «Тайфун», предусматривающий полную ликвидацию обороны и стремительное продвижение к Москве. Немец справился с собой и смотрел свысока: дескать, ничего вы этим не добьетесь, машина вермахта перемелет вас в мелкую пыль. Самое противное, что этот тип был прав, положение складывалось ужасное. От мысли, что может произойти через день-другой, холодок бежал по спине. Фланговые удары противника достигли цели – произошел охват обороняющихся под Вязьмой армией, и с каждым днем росла угроза оказаться в котле. Огромное количество войск совершенно не имело пространства для маневра, а отступать к Москве приказа не было. Вязьму оборонял маленький гарнизон, в городе много раненых, госпитали переполнены, и в одном из этих учреждений работает Лида Разина...

– Какое было задание лично у вас, герр Кальцман? Что делали ваши танки на заводе?

– Мы получили приказ командира батальона майора Вейлинга. На бетонном заводе могли прятаться русские диверсанты. Нам пришла радиограмма: в районе действует разведка русских. В последний раз их видели у деревни Кольцово, где они уничтожили двух солдат и взяли в плен фельдфебеля. Эти русские представляли угрозу, и командование приказало прикрыть южные подходы к дороге. Подобный же приказ получила пехотная рота гауптмана Штрауха, но они действовали восточнее...

Эти русские действительно представляли угрозу. Интересный вопрос: выльется ли данная угроза в провал операции полковника Зильберта? Шубин взглянул на часы. Время, в принципе, с ножом у горла не стояло. Дорога на Неклидово – не ровное шоссе. У полковника Моисеевского будет время выдвинуть на рубеж и замаскировать всю имеющуюся артиллерию. Герасимов собирал радиостанцию, Шлыков полез наверх, забросил на куст антенну. Связь была с помехами, эфир трещал, как печка-буржуйка. Шубин твердил до хрипа в горле: «Десна, Десна, я Волга, где вы, мать вашу?!» В голову забирались самые страшные мысли: полк разбит, развеян по ветру, и победа уже никогда не будет за нами! «Волга, Волга, я Десна! – порвал эфир трескучий голос сержанта-радиота Листвянского, – докладывайте!» Голос срывался от волнения, Шубин рапортовал рублеными фразами: «Срочно доложите в штаб дивизии! Противник движется к Неклидово от села Старшиново! У него не меньше полусотни танков, самоходные орудия, бронетранспортеры и достаточное количество пехоты, чтобы доставить дивизии серьезные неприятности! Выйдя из леса, колонна пойдет вдоль реки – там нет другой дороги! Удачный момент для артатаки – когда немцы скопятся у моста в районе деревни Камыши. Там узкая дорога, проходит через низину, возможность маневра ограничена полосой оврагов, которые не сможет форсировать даже хваленая германская бронетехника! У командования от силы полтора часа – нет времени зарываться в землю и проводить разведку! Фашисты планируют быть в Неклидово в районе пяти часов пополудни, поэтому у вас есть все шансы выдвинуть артиллерию на левый берег Тыворги и расстрелять колонну...»

«Волга, мы поняли! – кричал в трубку возбужденный сержант Листвянский. – В штаб дивизии уже радируют! Все необходимые меры будут приняты! Ситуация в нашем полку сложная, но пока не критичная! Удастся отбиваться, несем потери! Батальоны отходят на рубеж Звонарево – Кабинетное – есть приказ форсировать реку Маетную и временно закрепиться на ее правом берегу! Выходите к Звонарево, вас будут ждать... если успеете это сделать за несколько часов...»

– Товарищ лейтенант, немцы знают, что мы захватили их офицера-танкиста, – с сомнением заметил Герасимов, – а также догадываются, что молчать он не будет. Не поменяют свои планы?

– Не думаю... – Шубин невольно задумался. – Колонна разогналась, набрала обороты. Другого маршрута у немцев нет, а если все менять, искать другие дороги, то дивизия успеет выйти из опасной зоны и их план не сработает. Немцы могут ускориться, но... по таким дорогам... не думаю, что они смогут помчаться сломя голову. Разбирайте с Кошкиным рацию, она уже не понадобится... Это что за шум? – Шубин насторожился. Пленного не было – Шлыков отволоч его за изгиб оврага, и теперь оттуда доносились подозрительные харкающие звуки. – Словно свинье режут горло тупым предметом...

– Так и есть, товарищ лейтенант, – театрально вздохнул Герасимов, – Петр Анисимович давно не точил свой нож...

За глиняной глыбой, оторвавшейся с козырька оврага, сидел на корточках Шлыков, поглядывал как-то виновато и вытирал лезвие о штаны немецкого офицера. Герр Кальцман умер не самой приятной смертью. Конечности выкручены, на шее кровавый «галстук». Пальцы, сведенные судорогой, еще подрагивали.

– Не удержался, Петр Анисимович?

– Не удержался, товарищ лейтенант. Как тут удержишься? Чего время-то терять? Или еще хотите поговорить? Вы вроде знак украдкой подали...

– Нет, все правильно, молодец, Петр Анисимович. Все, мужики, теперь пулей...

– Поправку на ветер будем давать, товарищ лейтенант? – оскалился Кошкин.

Горы бурелома встали баррикадой. Шлыков пробивал дорогу, поминая бога, душу и, естественно, мать. Промчаться пулей конечный участок пути, к сожалению, не удалось. Привал был короткий, жадно курили.

– Харчеваться будем, товарищ лейтенант? – осторожно поинтересовался Кошкин.

– Не наедаемся, боец? – фыркнул Шубин. – Может, тебе еще и коньячку, что лежит у Шлыкова в вещевом мешке? Не делай, Петр Анисимович, сложное лицо, мы прекрасно помним, что там у тебя. И не забудем, не надейся. Еще рывок, мужики. Километр пройдем, там и поедем. А, возможно, выпить разрешу граммов по тридцать – чисто в физкультурном плане, чтобы бежалось легче...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.